

18+

НОВАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

АЛИНА ВИТУХНОВСКАЯ

—

ЧЕЛОВЕК
С СИНДРОМОМ
ДНА

издательский дом

Выбор Сенчина

Алина Витухновская

Человек с синдромом дна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25557895

ISBN 9785448555114

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

«Человек с синдромом дна» – самое прямолинейное высказывание Витухновской. Многих ее суждения, афоризмы наверняка приведут в ярость. Но когда она очень жестко критикует власть, нелицеприятно пишет о «ватниках», о России, об обывателях, то очевидно имеет в виду всю нашу неправильную цивилизацию. Просто Витухновская родилась и живет в России, потому и сфокусировала свое внимание на ней... Книга «Человек с синдромом дна» раздражает, но в эпоху повсеместного единомыслия это очень полезное раздражение.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Необтесавшаяся	5
Человек с синдромом дна	9
Нулевая колония	9
О непереводимости ада	11
Мир как враг	12
Скрепостные	13
Мертвые и срам	14
Сжатие реальности	20
Иметь и не быть	22
Клеймо	27
Эгостенциализм	29
Заблуждения о литературе	31
Политература	32
Мир как конкурент	38
Метафизика шатунов	39
Числа	43
Экзистенциальный Мамлеев	47
Спасение и вина	56
Ибо вопрос есть повешенность точки	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Человек с синдромом дна

Алина Витухновская

Издательский дом «Выбор Сенчина»

© Алина Витухновская, 2023

ISBN 978-5-4485-5511-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Необтесавшаяся

У нас в Сибири говорили про молодых парней и девушек, которые выбивались из общих норм: «Ниче-о, пообтешитя о жизнь». В последние годы я замечаю, что и сам я, и большинство моих сверстников «пообтесались» об эту самую жизнь. Часто слышу такое успокаивающее, но, как я уверен, лживое изречение: «У того, кто в молодости не был революционером, – нет сердца. У того, кто в зрелости не стал консерватором, – нет мозгов».

Один из очень немногих известных мне людей примерно моего возраста, кто не пообтесался о жизнь, а вернее, о те правила, что когда-то, может, несколько тысяч лет, стали считаться нормой, – Алина Витухновская.

...В начале 1994 года до далекого от Москвы Абакана, где я в то время часто бывал и живал, добралась уже порядком потрепанная, зачитанная книжка «Аномализм». Повесть, помещенная в ней, помню, нас – мы, человек десять, не считали себя радикалами, маргиналами, а просто хотели жить иначе, чем это было принято – поразила.

К тому времени нам уже была известна «Старуха» Хармса, Сартр, Мамлеев. Но «Аномализм» отличался от них. Наверное, в первую очередь тем, что этот жуткий, онтологически (мы это слово тогда любили) жуткий текст написала наша сверстница, девушка лет двадцати. На обложке было ука-

зано, как ее зовут: «Алина Витухновская».

Потом появилась «Детская книга мертвых», которая стала для меня первой книгой не советских, не антисоветских, а каких-то совершенно других стихотворений. Вернее, совершенно другой поэтики. И по форме, и, что важнее, по смыслу...

С тех пор я старался не пропускать новые книги и публикации ее стихотворений, прозы, статей. Бывал на вечерах Алины в музее Маяковского. Это были настоящие концерты, очень мощные по энергетическому воздействию. Не знаю, как для других, а для меня это воздействие было со знаком плюс. Взбадривало и укрепляло.

Мы с Алиной Витухновской, наверное, совершенно разные, может быть, полярные эстетически. Но ее ощущение окружающего мира мне близко. И так же, как она, я хотел бы его изменить. И примерно теми же, для кого-то странными средствами, что и Витухновская.

Эта книга, «Человек с синдромом дна», быть может, самое прямолинейное высказывание Алины. Многих, предвижу, ее суждения, афоризмы приведут в ярость. Я и сам, побтесавшийся, наполненный теленовостями и пропагандой последних лет, кое-чему возмущался.

Но когда Витухновская критикует, очень жестко критикует, власть, нелицеприятно отзывается о тех, кого называют «ватники», о России, об обывателях, то очевидно имеет в виду всю нашу цивилизацию. Неправильную цивилиза-

цию. И обзывать ее нацпредательницей так же абсурдно, как и в свое время Льва Толстого. Просто Витухновская родилась и живет в России. Нелепо было бы, если бы она сфокусировала свое внимание на иной стране.

Сейчас происходит стремительное усреднение человеческого сознания. Курс на единомыслие. Это ужасает, но и затягивает. Невозможно жить в обществе и быть от него независимым. Вернее, независимым от пресловутого общественного мнения. Невольно начинаешь сомневаться в своем мнении, подстраиваться, а потом и искренне его разделяешь.

Книга «Человек с синдромом дна» раздражает, но это полезное раздражение. Оно демонстрирует, что ваш мозг еще жив. Нечастое явление нынче.

Роман Сенчин

* * *

Вы – имеете право, ибо Вы – настоящий поэт. Я наконец-то поняла Ваши стихи, я научилась их читать. Это другой язык, другая форма жизни. Вы нашли вход в мир, где нет иллюзий, в мир подсознания Бытия. Почище Алисы в Стране Чудес. И Вам дано войти в этот мир, жить в нем, хотя-бы два часа в сутки (больше не советую: не удастся вернуться) и описать его, переводя на наш язык. Я войти в Ваш мир, например, не могу. Но я могу заглянуть Вам через пле-

чо. А большинство не может. Вы их пугаете. Вы абсолютно свободны и абсолютно правдивы. Вы не знаете страха, а они в нем живут. Вы сделали то, чего не сделал Бодлер. Он написал «Цветы зла». Но он надушил и накрашил. И посадил в горшок, и обвязал ленточкой. Красота не ужасает. Она – иллюзия. А вот Вы показываете и цветочки и ягодки зла. И Бытия. И Небытия. Без майи, без лучистого обмана. Достоевский делал что-то вроде, но не выдержал и соврал: Мышкин, Алеша Карамазов, мораль, христианство. Кафка – Ваш аналог в литературе. В поэзии Вам аналогов нет. Я все знаю о поэзии, хотя сама не пишу. Дали и Босх – аналоги в живописи. Вы очень дорого стоите, Алина. Ваш дар уникален. Хотя и страшен.

Валерия Новодворская

Человек с синдромом дна

Стихотворения и афоризмы

Нулевая колония

Умирает поэт. Но как в радио реанимации
Повторяется стихотворение. Вертится
Как пластинка в истерике, в реинкарнации,
В коронации нерукотворным безверием,
Как Вертинский скрипит в кокаиновом холоде
КолокОлом, глаголом иль комом, что в горле Империи,
Ты застрянешь двухглавым орлом
или ором в той родине-мордоре,
В Лукоморге, на каторге,

дорогой Александр Сергеевич.

По усам нефть текла, но попала не в черные дыры,
Что не бездна, конечно, но тоже подобие рта.
Я там был, обменяв Бытие, на отсутствие мира.
То есть жизнь заменяет не смерть, но скорей пустота.
Отдыхай декоратор догадок – философ Хайдеггер.
Пустота не витальна и в этом ее красота.
Русь давно не сакральна.

В ней голем был собран из лего.

И имперский конструктор создается в «Икее.» Чиста

Сей колонии суть – нулевая игра симулякров.
Здесь «Иисус» стал давно симулякр, да и был симулянт.
Не корми имитатора, ибо ты сам имитатор.
А потом мародер. Опускающий крылья атлант —
Это ты. Все последние воины бескрылы.
Безымянны, безродны, и в свежих могилах лежат
Анонимные мы, те, которых ничто не манило
Защищать псевдородины вечный бессмысленный ад.

О неперевоодимости ада

Чем больше я вижу это остервенелое холуйство, эту всепрощающую долготерпимость, эту садистическую готовность к лишениям (и обречение на них своих детей), эту агитпроповскую черве-угодливость, тем более отдаляюсь ментально от этого пространства, с которым связывают меня лишь Амбиции и Русский Язык, язык стремительно удаляющийся от смысла, перспективы и разумной репрезентации.

* * *

Чтобы в России прийти к власти надо иметь талант – выглядеть не очень умным человеком.

Мир как враг

Мир абсолютно демиургический («божественный») и абсолютно атеистический – одинаковый мир для меня.

Это все один и тот же онтологический враг, чье присутствие тянется из Небытия еще, но и в своем нынешнем несакральном исключительно материальном, непристойно физиологичном воплощении – не перестает беспокоить.

Мир видится все более атеистическим, глупо, бессодержательно зловещим – именно в России. Где все говорит о том, что дальше и больше ада нет.

Ад для меня – концентрат неудобства, не более. Гипертрофированная сущность мира вообще. Без всяких там преступлений, наказаний.

* * *

«Если бы мы любили своих детей, у нас бы не было войн», – нет, напротив, если бы вы любили своих детей, у вас бы не было детей.

Скрепостные

В моем мировоззрении некто – (сотворенный) – абстрактен, а никто – конкретен, ибо избежал определений и статусов мира. Он, в некотором роде неуловим. Поэтому мне предпочтительней быть Никто чем кем-то сформированным хоть отчасти этим миром.

* * *

Нынешний человек настолько деперсонализован, что принимая чужое, он декларирует – каждому свое.

* * *

Если мы не говорим о Ничто, ежели мы (теоретически) снижаем планки, мы можем говорить о совершенно Пустом Мире, Застывшем Мире, о мире, лишенном людей, движений, и (главное!) конкуренции. Мир, который тревожит своим наличием, но уже не беспокоит. Ибо беспокойство – есть первое следствие присутствия Конкуренции, предмета для самоутверждения, не только если этот предмет являет собой нечто метафизически важное, но и если он просто наличествует, даже на периферии сознания-бытия. Так – для существ, подобных мне, конечно.

Мертвые и срам

Мертвые только его и имут. Во всяком случае, тонко «чувствуют» в отличии от «живых».

* * *

Добытие, о коем я часто упоминаю, и из коего следует моя подлинная сущность, тоже было вполне материально. При том что оно не было миром, «реальностью». А человека, как такового, в нем не существовало вовсе.

* * *

Начинать ценить «маленькие радости жизни» – так я понимаю окончательное падение. Безысходность.

* * *

Когда видишь чересчур хорошее отношение к себе, сразу же возникает желание расплатиться.

* * *

Умные дети рождаются мертвыми.

* * *

Аскетизм – высший из «пороков», ибо питается отвращением к человеку, а не завещанной христианами любовью.

Презрение к человеку, а соответственно, к его «породителю» – вот высший «грех», нарушающий всю систему управления.

* * *

Люди полагают, что любят жизнь, но не самость. И возлагают подношения на алтарь ее. Как если бы акулу, что их пожирает, они, старательно прелюбодействуя, кормили бы деликатесами.

* * *

Астения – эта растянутая смерть. Во всей ее тщательной физиологичности.

* * *

Больше всего меня пугает в России тотальное раздвоение русского языка со смыслом, русского языка с политикой и, собственно, русского языка с личностью.

Политика меня увлекла именно в тот момент, когда я поняла, что она ворует у меня мой язык и мой смысл, потому что пространство России столь дискредитировано бессмыслицей, имитацией постмодерна, насилием и ложью, что слово перестает в нем что-либо значить.

И те люди и авторы, мыслители, которые вкладывали в слово нечто сакральное, нечто подлинное, выходит теперь, работали как рабы на нефтяных полях, ибо их слово оста-

лось, их результат есть, их продукция есть, но нет права собственности и нет их самих.

* * *

Если бы физические страдания были ниже так называемых «духовных», то никакой духовности не существовало бы вовсе. При том, как Амбиция или же Подлинная Сущность, есть нечто превыше, и к духовности отношения не имеет. На человеческом языке это лишь некая энергия, иначе вы можете именовать ее физиологией. Мы не обидимся.

* * *

В забвении в миллион раз больше ценимой вами морали, чем в лживой, надиктованной, оправдывающей все «памяти». Память – камень на шее утопленника. Есть то, что следует забыть. Как и то, чему следует не существовать.

* * *

Есть такая вещь, как система ценностей. Людям с разными системами ценностей редко есть о чем говорить и уж совсем не о чем договариваться. Они попросту не нуждаются в друг-друге.

Проще говоря, «гитлер» не хочет быть «котиком». А если он станет «котиком», то умрет.

Это, пожалуй, последнее о психотерапии.

* * *

«Матрица» – это лишь разделяемое безволие. Своего рода «общественное соглашение» на уровне тонких материй.

* * *

Любите себя, какими вас нет. Так верней.

* * *

Любая людская тирания меркнет рядом с тиранией мироздания. От того всякий пафосный борец с тиранией выглядит несколько комично. То есть, его искренность под вопросом. Как под виселицей.

* * *

Более нет никакого «социализма», «капитализма». Есть некое общественное соблюдение договора. Общественного договора. Условности, подкреплённой законодательными гарантиями.

* * *

Ныне стоит исходить не из показного пародийного консерватизма власти, а из дремучего консерватизма подавляющего числа населения, сумевшего образоваться за последнее двадцатилетие.

* * *

Я смотрю на живую материю, на мир движущийся, тем более, на мирЪ витальный, как на исчезающее, смотрю как-бы со стороны смерти, и в этом смысле он не видится мне существующим, «всамделишным». Иначе я вижу вещи – в них основательность, будто они откусили себе часть времени. Вещь выглядит словно бы привитой от смерти. И лишь отсутствие вечности, тотальная конечность, Ничто являются гарантом, тем, что лишает беспокойства...

* * *

Анорексия – «болезнь» ангелов.

* * *

Сейчас пойдет много агиток в стиле – «революция – это плохо».

На самом деле революция – это смотря кому.

* * *

Счастье – одно из понятий, поглощающих смыслы. Липкая абстракция. Наивные профаны вопрошают – «Неужто думаешь ты, что, добившись того, что продекларировала, обретешь счастье?» Так мне счастья не надобно. Мне чего мне надобно – надобно.

* * *

И о деньгах, социальном статусе и пр. В мире их получают, чтоб влиться в Общество, в России же, чтоб отгородиться от него. (От «общества», конечно, во втором случае.)

* * *

Соцсети убивают пафос и масштаб. А великий человек без пафоса и масштаба – ничто. Ну как Лев Толстой без поместий. Не представляю, кстати, Калигулу в ФБ. Вот он восклицает – «Публика, где моя публика!» А ему пьяный Вася из условного какого-нибудь Новогиреево – «Здесь я.» И смайл. Хорошо, не дожил.

Сжатие реальности

Моим главным детским опасением было осознание того, что этот мир – и есть окончательная и бесповоротная реальность. И что она, реальность эта чудовищна и бесконечна. Чистое осознание ада, вполне себе архетипического ада, правда в иной, несколько сюрреалистической интерпретации. Родившись, я не могла поверить в подлинность мира. Безысходность понимания настигла меня лет в шесть. И сохранилась по сию пору. Правда ныне я верю в неизбежную конечность мира. Можно назвать это сжатием или сворачиванием ада. Или же – скручиванием, уползанием вечности.

* * *

Интеллигентный человек от чего-то до конца не верит, что другой может превратить свою трагедию в пиар. Он вообще не умеет рационализировать трагедию. То есть, не понимает самоЮ природу сверхдейственной смеси – «Гешефт-гештальт». Я-то понимаю.

* * *

Глупо думать, что чудовище прячет в себе нечто ранимое. Если что и ранит его, то недостаточность своей чудовищности.

* * *

Кому-то вижусь я «носителем ницшеанской идеологии». Какая нелепость! Идеология у меня своя. К тому же – Ницше и ницшеанцы – нечто вообще непересекающееся и несовместимое.

Ницше сделал для своего века все, что мог. Для этого он уже не сделает ничего.

Да и что есть, к примеру, сверхчеловек? Всего лишь лучший среди равноубогих.

Иметь и не быть

– Вы находитесь в метафизическом скиту. Я имею в виду оппозиционность Бытию (простите уж за словечко), сквозящую через все, что Вы пишете и говорите.

При этом Вы ярый союзник материальности, не так ли? Власть, деньги, вот это все (репарации Бытия?)

Тут, простите в очередной раз, Фромм вспоминается с его фрейдомарксистским «Иметь или быть». Но тут вы его переплюнули.

Если я правильно понимаю, костяк Ваших текстов и Ваше целеполагание, то постулируете Вы следующее: «Иметь, но не быть».

Это онтологически очень умно, но я решительно не представляю себе, как это конкретно может способствовать реализации целей или амбиций хоть на каком либо поприще, кроме литературного. (с)

Oleg Basov

– «Иметь и не быть» – это название одного из моих старых текстов, да.

– Фромм – редкостный профан и популяризатор сомнительных концепций. Ну при чем же здесь литература?

Даже если отойти от метафизической моей цели, даже если вообще отойти от моей цели (а текст писался все-же с ме-

тафизическим прицелом), ныне могу констатировать, что «Иметь и Не быть» – это моя естественная форма существования.

Материализм в чистом виде, если угодно

* * *

Нынешняя Россия обратного отсчета не имеет. Это надо принять как данность.

* * *

Смерть – для меня явление глубоко социальное. В этом смысле – для меня не существует более ни метафизической, ни экзистенциальной смерти, ибо я их пережила и не раз. Но при этом я вижу свою социальную смерть – как смерть мира. Мира вообще. В ином же случае, в любом ином случае – она будет смертью случайного субъекта – то есть, человека. А человека в себе – мне не жаль.

* * *

Женщина, архетипическая женщина – это воспроизводящая себя готовность к смерти. Ее манифестация и легализация.

* * *

Удушающая любовь – вот, что предлагают нам психологи, психоаналитики и пр. – все эти проповедники подчинения. Конечно же, любовь – это основная декларация обще-

ства софт-насилия.

* * *

Любовь – насилие. В том смысле, в коем беспомощность нуждается в любви. Родительская любовь – это любовь к управляемой беспомощности.

* * *

1. Разве социальная и метафизическая смерть чем-то различны?

2. Как человек переживший экзистенциальную смерть может быть случайным? Означает ли здесь сама случайность недостаточную экзистенциальность? (с)

1. Конечно, различны. Социум – это абсолютная материальность, в отличии от метафизики.

2. Человек, переживший экзистенциальную смерть – Не человек.

* * *

– Но ведь речь же идет о смерти, материальность социальной смерти все также метафизична. К примеру, есть ли разница между публичным харакири и достигнутой в горах нирваной?

– Нечеловек переживший смерть – человек. равноценное утверждение относительно экзистенции. (с)

– Я вижу социум, как проекцию своих метафизических

амбиций. Физическое их воплощение. И себя – как некую машину для их осуществления.

С этой точки зрения мне безразлично само Обстоятельство Смерти. Или же – безразлична Смерть как Смерть. То есть, я не могу более ее ощутить-пережить. (А.В.)

* * *

Большая ошибка полагать агрессию или скажем, жажду власти – завуалированной апелляцией к любви. Ежели даже говорить на профанном языке – языке психоанализа, ежели, в качестве игры или эксперимента признать его всерьез, то стоит заметить – «тоталитарная личность» в своем апофеозе, в своем пределе – в принципе не нуждается во взаимодействии.

Здесь тоталитарность выступает как синоним самодостаточности.

К слову, любой политик – тоталитарист. И крайне правый. И левый. И либерал. Исключений нет.

* * *

Когда-то я говорила, что постмодерн закончится с первым выстрелом. Нет. Постмодерн закончиться не может. Это вопрос восприятия. Некое подобие отстраненности.

* * *

Основной политический вопрос текущего момента – это вопрос – В ЧЁМ МОЙ ИНТЕРЕС?

Как-то истосковались все по рациональности

* * *

Этический минимализм. Это тоже обо мне.

Клеймо

Я заметила – у каждой дочери секретаря райкома на шее бижутурійно-жемчужный узор. Так затягивается петля родины-тьмы. (О вечно-женском).

* * *

Современный мир – выдумка традиционалистов. Говоришь «современный мир» – поддерживаешь евразийство. Так уж вышло. Предлагаю ввести понятие – актуальный мир. (Актуальная политика и пр.) Реальность более не нуждается в идеологических лаптях. Актуальная реальность.

* * *

Опыт здесь – всегда – опыт смирения. Поэтому и До и После – отрекаюсь от всякого опыта.

* * *

В пику распространенным клише. Люди, сформированные потреблением ничем не хуже людей сформированных культурой. Путь к совершенству в обоих случаях лежит через «предательство» сформированного Я.

* * *

Здесь не стоит обращаться к кому-то за помощью не по причине гордыни (коя наличествует весьма), а по при-

чине того, что-то единственное, чем может поделиться безропотное большинство – это своей слабостью.

* * *

Подлинное Я понимает жизнь, как излишество, как нечто, высасывающее силы. И видит возможность существования для себя вне обусловленного процесса. Жизнь, равно как и смерть, ведет к утрате идентификации и потере функциональности. Поэтому отрицание витальности (бегство от витальности) – есть и бегство от смерти. Вопреки распространенной (профанной) идее о том, что антивитальность равна чуть-ли некрофилии.

Тот, кто не приемлет смерть, тот не выносит и жизнь.

* * *

Про «тиранов», желающих отхватить чужой витальности. Да, есть такая иллюзия, некое преломление сознания, лжепроекция, когда кажется, что другие – живые (живее тебя), то есть, более подлинны. Так вот. Чистая ложь. Не живет вас будут. Такие же. Немного мертвенькие. Я проверяла.

* * *

Философия должна быть гламурной. Сияющей. Той самой поверхностью, отражением мертво-озера, из коего «никогда не утоляла жажду сволочь людская». А то – сплошные шероховатости, погрешности, бугорки, целлюлитный орешек мозга. Болотистая «наука».

Эгостенциализм

Нет опыта, который стоил бы того, чтоб быть пережитым или усвоенным. Проще говоря, нет опыта Сверх и Помимо Я.

* * *

Иные хранят себя как оружие лишь, как возможность отмщения

* * *

После принуждения к бытию (насилия, имя которому – рождение) самым отвратительным видом насилия является «принуждение к счастью». «Разве ты не счастлив?» – спрашивают тебя стервятники лжизни. «Разве ты не хочешь быть счастлив?»

Понятие о том, что для кого-то может существовать иная иерархия ценностей, что «быть счастливым» – это подвергнуться тотальной деперсонализации, быть исковерканным, лже-интепретированным, поставить свое Я под угрозу – это понятие тотально отсутствует.

Отсюда видим мы скомканные, вымученные типы, тех кто выставляет на публику «достаток», лже-социальный статус, эмоциональное довольство – в виде оскалов деформированных улыбок.

* * *

Я и Индивидуальность – для меня абсолютно разные понятия. Я – это Идеальный Образ, Представление о Себе, плюс Декларация Себя. Индивидуальность же – навязанная данность, вроде плохой кожи, или, к примеру, дурной наследственности. То, от чего следует избавляться во благо Подлинного Я.

* * *

– Мне очень интересно, как бы ваша философия формировалась в Европе или Штатах. (с)

– Так же. Я не российский человек. И ментально здесь не жила. Советско-россиянскую реальность я разглядела только заинтересовавшись политикой. Но и сейчас я смотрю на нее примерно как Набоков на мертвую бабочку. (А.В.)

Заблуждения о литературе

Владеть словом – не значит испытывать эмоции, это значит – знать, как вызвать их у людей.

Полилитература

Советская литература – это художественная самостоятельность, конечно. Нечто искусственное, существующее автономно, абсолютно вне общемирового культурного контекста. Единственное, что может спасти (и порой спасает) совлита – политический контекст. Особенно – если совлит – человек хороший. Собственно, так как правило и бывает – и совесть нации, и человек хороший, а писатель так себе. И, да. Чем лучше человек, тем хуже в нем писатель. И наоборот.

* * *

Мысль о том, что писательство (да и любое творчество) обладают психотерапевтическим эффектом – мысль, сама по себе, глубоко клиническая.

Мысль, которая могла родиться исключительно в репрессивно-сублимирующем сообществе.

Для которого сама Идея Рациональности – подобна смертельному жалю.

В таком обществе все должно делаться из мутных, болезненных побуждений и не имеет конкретной цели.

Очень российское пространство по сути своей. Да, и вопреки расхожим стереотипам – болезнью управлять куда легче, чем здоровьем. Ведь больной постоянно нуждается в коррекции и контроле. Верней, склонен так полагать.

* * *

– Но кто смог применить насилие к, казалось бы, неовладеваемому, трансцендентному Небытию, если даже Бог не может существовать, отказываясь от превращения потенциального в действительное, обличенного в свое «вначаль-нобылое» слово? (с)

– Существовать – не применять насилие, но быть подверженным насилию. Следовательно – не быть подверженным насилию – прекратить существование как таковое, в принципе. (А.В.)

* * *

Одни сходят с ума от безысходности, другие же, напротив, остаются нормальными.

Ежели речь не идет о врожденной патологии – сойти с ума – это роскошь. Это еще и надо себе позволить. В основе же своей мир наполнен типовыми (т. е. Неразличимыми, невычисляемыми) безумцами, одетыми в намордник Нормы, как иные в смирительную рубаху. И «бог» знает, сколько надобно им сил, чтоб выносить безысходную трезвую обреченность своего бытия.

* * *

Самая «боговладычественная» сладость признать полное фиаско Слова в борьбе со смыслом.

Ибо я есть Смысл

* * *

Я не только умнее, чем я себя веду. Я умнее самой предоставленной возможности жить.

В этом смысле интеллект и бытие – практически взаимоисключающие вещи. И (именно!) поэтому все выдающиеся личности были в некотором роде деструктивны. Конечно, они не могли благо-взаимодействовать с реальностью, будь они ограничены хоть в какой-то степени обязующим к бездарности ошейником нормы.

* * *

Профан полагает, что в Идее, даже в самой странной идее есть какая-то поддержка существованию. Нет, в моем случае – точно нет. И еще раз нет. С идеями дела обстоят еще хуже, чем с «творчеством», кое «лечит» по мнению благоглупого большинства.

* * *

Аналитичность – это тип ума. Аналитичность – не равно независимость. Совсоюз обслуживали тоже не самые глупые люди, что касается узкопрофессионалов. Но, да, с другой стороны – это были люди, наученные «не выглядеть глупыми».

* * *

Россия – репрессивная страна не только, и не столько в силу негативного исторического опыта, но и (пожалуй, в первую очередь) потому, что здешний гражданин в основе своей природы содержит некую обезличенную травму. С ней, с этой травмой он от чего-то и идентифицирует себя, отождествляет, вместо Я, вместо всякой Самости. Ее то он и хочет продлить, имея в виду не себя уже, а всех остальных. Отсюда – «Я страдал, и вы пострадайте», отсюда – «Хорошо не жили, не стоит и начинать».

* * *

Подлинный гуманизм жесток. Но только однажды

* * *

«Избегайте придавать себе статус жертвы» (с). Точный, но совершенно «не местный» совет. Ведь здесь жертва на жертве сидит и жертвой погоняет. Более того, если ты не жертва, ты персона нон грата.

* * *

Я ни разу не встречала всерьез навредившего реальности мизантропа. Но ровно так же я не встречала полезного декларатора гуманизма. Первый похоже – на 90 процентов – выдуманный литературно-исторический образ. Второго не бывает вовсе. А в жизни чаще встречается наоборот – полезный мизантроп и вредный гуманист.

* * *

Большинство людей так устает к середине, а, тем более, концу жизни, становится столь инерциально-податливо, что попросту не имеет возможности продекларировать волю к небытию, переставая осознавать Я-Самость, становясь некой животной машиной.

О них можно сказать – бытие засансарило

* * *

Испытывать сожаление, тем более, быть сентиментальным – это будто бы попадать в некое тлеянье, в черную воронку. Да, от сентиментальности прямо-таки разит смертью.

* * *

Детство. Это время и состояние, по сути, можно назвать единственным допущенным и легитимизированным психическим расстройством в жизни каждого человека. Ежели подходить к вопросу с точки зрения официальных и формальных психических норм.

* * *

Некоторая доза контролируемой паранойи, а, пожалуй, даже тщательно культивируемой врожденное недоверие к миру, неощущение его как «своего», «комфортного», «доброжелательного» – один из ключей к социальному успе-

ху.

Да что там социальный успех! Ключ к мировому господству лежит в этой же банальной на первый взгляд (но только на первый!) психической бездне субъектного индивида.

* * *

Быть собой – в самой страшной, запредельной степени подлинности – это абсолютно опровергнуть бытие.

* * *

Быть непризнанным – быть безопасным.

Стать признанным – стать безопасным

* * *

Моралист всегда проигрывает гению. Как, впрочем, и общественник. В этом смысле Сартр, критикующий Бодлера в своей книге предстает далеко не в лучшем свете. И, тот же Сартр, вступивший в «Французское сопротивление» – лишь общественный деятель послевоенного гуманистического разлива. Сартр, отказавшийся от Нобелевской Премии – не более, чем предсказуемый социалист-левак. Забудь же о трех этих моментах его биографии, перечитай его прозу вне общественно-идеологического контекста – и перед нами снова гений.

Мир как конкурент

В моем представлении всегда отсутствовал «идеальный мир» или же мир «каким он должен быть». Вместо этого мира зияла черная пустота, ничто. Оказывается, сие нетипично, хотя, на мой взгляд, предсказуемо, банально и просто весьма. Меня никогда не угнетал «ужас мира». Более того, чем мир был хуже, тем более он меня устраивал.

* * *

Когда некто проговаривает симптоматику чужого безумия, он как-бы отгораживается от него. Чертит вокруг себя магический круг. Говорит «чур меня», то есть, совершает некое терапевтическое ритуальное действие. Но бывает и наоборот. Приглядитесь к тем, кто хохотал над чужими пороками и девиациями. В какой-то момент жизни многие из них приобретают чудовищные и болезненные свойства тех, над кем еще недавно смеялись. Вы полагаете это наказание? Прокказа? О, нет. Просто безумие – это порой – и вид комфорта. Безумие – зона комфорта. Обретение шизоидного уюта, забегание ошарашенного существа в последний психический загончик перед прыжком в яму, на дно, полностью уже (и сладостного) распада Я.

Метафизика шатунов

Смотреть «Матрицу» из канализационного люка и полагать это экзистенциальным переживанием...

* * *

Садизм – это очень детское свойство. Я бы даже сказала – младенческое. Мазохизм – свойство труса, слабака, приспособленца. Оба, конечно, чудовищно, омерзительно инфантильны.

* * *

Попался намеренно материал про девочку-вундеркинда, рано погибшую, не выдержавшую (по мнению профанов) «бремени славы». Девочку, у которой (опять-таки по мнению профанов) «не было детства». Так вот, что я скажу. Любая слава лучше любого «детства». Тем более, детства неосоветского (не говоря о советском) с привычным набором репрессий и мучительных развлечений, а также вынужденности постоянно «изображать ребенка», коим не являешься.

* * *

Русский язык не порождает пошлость. Но советский – всегда. Советская поэзия посему вычисляется по концентрации пошлости. Буквально – по первой строчке. Проза, види-

мо, тоже. Да кто ж ее читал?

* * *

Я знаю. Следовательно, не существую

* * *

Мне кажется, у Смерти – в классическом понимании – здоровая женская фигура. Широкие бедра, вот это все. Анорекия не только болезнь ангелов, но и своеобразная неуловимость, бегство от смерти.

* * *

Я пишу не то, что чувствую. Я пишу то, что считаю нужным. То есть, мое письмо политично.

* * *

Типичный сюжет антиутопии – забывание (стирание) прошлого. Стирают прошлое фантастические тоталитаристы, боевые строители «космических рейхов».

Сама идея мне более чем близка, ибо я не нахожу в прошлом ни прелести, ни особого смысла. Я вязну в нем, как в болоте и не испытываю требуемую обществом сентиментальность и (или) священный трепет.

Россия же – аномальная зона анти-антиутопии. Куда не ткнешься, тебе тычат прошлым (как историческим, так

и частным). При том, самое удивительное, хранят здесь самые скучные, самые банальные образцы прошлого. Хорошо, напротив, не помнят и видеть не желают. Россия является ахроничной территорией, в которой вектор времени смотрит не вперед, а назад.

* * *

Есть такая форма трусости – бегство в смерть. Кажется, Россия, здесь – геополитический пациент – в предчувствии мирового апокалипсиса, взявшийся бряцать оружием в заведомо проигрышном сценарии. Такое поведение, как правило, кончается комичным и позорным поражением. Особенно, в случае, когда чаемый апокалипсис не наступает. Это и будет та самая «гибель империи», что в книгах описана. Классика жанра.

* * *

Когда я говорю «советское» я не всегда имею в виду советское как уродливый феномен пост-«русского» (именно в кавычках!) общества.

По большому счету – советское – это определенный стиль. В неотретушированной Рифеншталь Германии – много советского. В стивен-кинговской деревеньке с архаичными христианскими табу – как ни странно – тоже. Практически в любом как и европейском, так и американском ток-шоу – со-

ветское, буквально все.

ГДРовские районы, отдельные ландшафты и пейзажи в бывших соцстранах – советские по определению. И даже обабившиеся (смягченными чертами лица и полнотой) – Джоли и Белуччи – нестерпимо советские. Не хватает только павлопосадского платка, да соболей.

* * *

Здесь одна религия – распределенная нищета. Имена у нее могут быть любые, как и формы – религиозные, метафизические, экзистенциальные, социальные. То, что противостоит нищете – капитализм и (или, желательно) – его лучшие прогрессистские формы.

* * *

А всего-то что надо русскому человеку – пожить в нормальных условиях. Так ведь не дадут-с.

Числа

Наш ад – это Родина, дно Атлантиды.
Повсюду простые конвойные гниды.
Укромные устрицы, в трещины улиц
Ползушие, дабы скрывать свою гнусность.
Их страшные гущи. Бессчетные тыщи.
Их Хлебников кормит трухою умища.
Им счет – легион. Их наличье легально.
Но что нам закон? Отвергая Реальность,
Мы выйдем на них, веря в полную гибель.
А числа – есть пыльного хаоса прибыль.

* * *

В интеллигентском демонстративном презрении к деньгам есть что-то мерзкое и невыразимо подлое. Подлое по отношению к народу, в первую очередь. Нечто его унижающее, легализующее его нищету.

В презрении этом есть и нечто патологически-угодливое по отношению к так называемой «элите». «Пусть хоть кто-то хорошо поживет», и «Авось и нам перепадет (с барского стола)» – это отсюда. В презрении этом есть и омерзительное самоуничтожение, болезненная терпеливость, переходящая в мазохизм.

И есть что-то подло-предательское по отношению своему кругу, к ближайшим же друзьям, на которых смотрят с глубоко запрятанным, но все же заметным постороннему наслаждением. «Мы страдали, и ты пострадай» – говорят они всякому бедствующему, особенно – бедствующему гению – таково их пролетарское вполне, социалистическое, садистическое представление о справедливости.

И хватит о метафизике уже, заврались. Так и пишите на входе во всякий сельский предбанник ада – «Денег нет. У клубе будут танци.»

* * *

Когда я говорю – современный мир, я имею в виду – лучший мир. Лучший – из возможных.

Но Невозможное – лучше. И оно – не мир

* * *

Политическое – рационально. Политическая иррациональность, возведенная в культ – основа нынешней российской политики. И именно поэтому – вызывает отторжение.

* * *

Система – это такая демонстративно-декларативная игра, сводящаяся к непроговариваемому – «Убей себя сам».

В этом смысле – мне всегда нравилась система. В некотором смысле – система это я. В том, что никогда не желала убить Себя.

* * *

Отношение к смерти – интимная и частная вещь. Ничего она не решает. Сейчас может быть одно отношение, а завтра другое. Людям с большими социальными амбициями смерть, к слову, более безразлична, чем остальным. Они ее видят, скорей, как элемент публичной игры.

* * *

Конечно, трагедия, как и скорбь не может быть массовой. Трагедия (всегда!) – вещь личная и глубоко интимная. Как и смерть. Есть только смерть отдельного человека. («Моя» смерть).

«Смерть всегда чужая» (так!) – это из области экзистенциального отчуждения, нечто спасительно-изысканно-французское. Фиксированная невозможность пережить Здесь и Сейчас свою смерть. (К слову я пережить свою смерть могу и переживаю ее ежедневно. Но – большинство не может.) Поэтому странно требовать от отдельных граждан массовой скорби, общей печали. Ежели эти граждане – не публичные и официальные лица.

* * *

Всякий «антибуржуазный» пафос я рассматриваю как допущение и легализацию нищеты, болезней, регресса. Никак иначе.

Экзистенциальный Мамлеев

Еще о Мамлееве. Его я всегда воспринимала в контексте экзистенциализма, да что там экзистенциализма, самого Понимания Природы Вещей, как оно есть. Поэтому попытка вставить его в формат «России вечной», хоть и сам он этому немало поспособствовал, выглядит для меня ровно так же, как попытка вставить в этот формат Сартра или... Стивена Кинга. Нечто общее между этими авторами, безусловно, есть.

* * *

Распределенная нищета – помимо прочего это та социально-общественная ситуация в которой процветает «культ удовольствия». Удовольствие есть антитеза наслаждения. Ибо наслаждение всегда – Преступно. Что же касается Высших Ценностей – они Над как Удовольствием, так и Наслаждением. Сверх Высших Ценностей – только Я, Самость, Сверх-Я. Сверх же их – нет ничего. Такова иерархия.

* * *

Пока иные бежали от реальности в сладостные иллюзии, в убаюкивающие миры, я, напротив, стремилась погрузиться в нее, в самую нутрь, в сердцевину проявленного мира.

* * *

Язык – помимо прочего – репрессивная форма проявления бытия. Недаром было солгано – «вначале было слово». Конечно, вначале было не слово. Вначале была Боль. Или же – Понимание Природы Вещей. В стране победившей логократии, коей является Россия, слово репрессивно вдвойне. Вы заметили с каким поистине мазохистским удовольствием русские перешли на советский? Особенно это касается деятелей культуры, в коих, кажется, уже коряво-бюрократический агитпроповский посыл победил всякое здравомыслие.

* * *

Чтобы выпасть из матрицы (насколько возможно выпасть из нее в проявленном мире), надо всего лишь перестать страдать. Перестать страдать по тем поводам, по которым принято (предписано) страдать. Матрица, как и, собственно, общество этого не выносит. Все христианство – отсюда.

* * *

Хотела бы я выжить в апокалиптическом мире? Нет, пожалуй, нет. Вряд-ли я бы предприняла активные усилия к поддержанию собственного существования. Постапокалиптический мир – это уютный мир – для подобных мне. Мир, где отсутствует социум, и, соответственно, социальная конкуренция. Это – своего рода неорелигиозный конструкт.

Но – «ваш бог мертв». Следовательно, борьба исчерпана. И бытие конечно.

* * *

– Действительно, по языковой репрессивности вас можно сравнить с Хайдеггером. М.Х. старательно очищает смыслы от метафизической загрязненности, которую постоянно производит обывательское сознание, выражая философскую готовность положить жизнь на борьбу с этой ветряной мельницей. А.В. же, утверждая безбытийное Я, уже сама становится метафизической ветряной мельницей. (с)

– Некто (или нечто), не владеющее Силовым Ресурсом для преодоления бытия – всегда остается ветряной мельницей, каким бы смыслом (даже предельной истиной) оно не обладало. Собственно, и само бытие – ветряная мельница профанной витальности. (А.В.)

* * *

Что происходит с «героем», когда ему вдруг наскучит публика? Естественное. Он превращается в Монстра (по-вашему – в сверхчеловека). Но, на деле же – в самого себя. Герой – понятие сугубо социальное, политическое. И метафизическое лишь в той мере, в которой политика есть проявление метафизики. Итак, герой обретает подлинность лишь скинув бремя общественной нагрузки.

* * *

Субъект – не нуждающийся в самовыражении – неуловим.

* * *

Дурак ищет Правды. А Правда ищет Выгоды.

* * *

Любишь русскую литературу? Люби и русскую политику

* * *

Гешефт и гештальт – есть Здесь и Сейчас моего Ничто.

* * *

Быть чем-то иным, другим, хоть и чаемым многими подобием «сверхчеловека» – здесь не надо ни воли особой, ни старания. Изображать из себя человека – вот тяжкий труд и своеобразная, скажем так, дипломатия для всякого монстра. Это и его (монстра) – высший, Цивилизованный Ум.

* * *

Идея удовольствия (да и, собственно, наслаждения) – идея, безусловно, репрессивная. Иди и получи удовольствие – вместо того, чтобы взять то, Что Тебе Надо На самом Деле. В некотором роде общество софт-насилия сформировал гуманистический психоанализ.

* * *

Как я вижу ад? Как обреченность получать избыточность человеческих удовольствий. В этом смысле страдание дает куда больше свободы. Но еще больше дает ее теплохладность. Предел же свободы в бесчувственном владении ресурсом, в том самом – Иметь И Не Быть.

* * *

Доверие к насилию – вот основной паттерн репрессивного бытия. Имя этого доверия может быть любым – «бог», «государство»... Недоверие к Самости и принятие мифологического «Сверх-Я» извне – это ваше все...

* * *

Мой политический герой – всегда немного трус, немного невротик, немного психопат. Героем делает его способность появиться в нужное время в нужном месте и грамотно себя преподнести. Именно такие входят в историю наиболее основательно. Да, этот тип явно предпочтительней романтического «воина», славящегося своей инфантильно-идиотской страстью – умереть за идею.

* * *

Ничто не находит столько помощников, соратников, сочувствующих, да и просто благодарной публики сколько чужое падение и зрелище его.

* * *

Если принять за основу идею о страдании как мощнейшем источнике энергии – мы и получим то, что подленько называют «третьим путем». Да, конечно, Россия существует в первую очередь исключительно за счет страдания, а не каких-то там высосанных из пальца идеологий. Тем более, экономики здесь как не было, так и нет.

* * *

Если демиург хочет кого-то наказать, он дает этому существу крепкую психику и полное понимание природы вещей. Если демиург желает убить самое себя – он делает то же.

* * *

Как правило, когда речь идет об изменении человека в «худшую» сторону – мы имеем возможность наблюдать человеческую натуру. И, напротив, когда речь идет о «благоприятных» изменениях – мы наблюдаем общественного лжеца.

* * *

Страдание – это, пожалуй, основная и единственная российская скрепа. В матрице россиянина казенными нитками на зигующем зингере прошито – «Сам страдал, пусть другие страдают». Это основа основ всех тех, невозможных к существованию особей. Но не то, высшего уровня Шикарное

Ничто. Русская волго-догвилевская болотистая мгла. Болезненная вязь. Ничто Колымы. Эстафета страдания передается из поколения в поколения. От сердца к сердцу, да. Удовольствия здесь – лишь обратная сторона страдания. Обманка, ловушка. Манипуляция. Оттого и любят здесь закомплексованных и нездоровых людей. От того, что мера их страданий и сомнительных удовольствий – не самое страдание и самое удовольствие, а чистая Манипуляция, Предел, Чужая Власть.

* * *

Большинство людей практически всю жизнь пребывает в бессознательном состоянии, потому что их высшие устремления направлены на поддержание постоянства мира. Именно поэтому больших трудов для них стоит планировать свою жизнь хотя-бы на день вперед. Потому как их планы более глобального масштаба фактически совпадает с планами бытия. Что значит, что даже своими мыслями они поддерживают бытие. Бытие несомненно – апофеоз тоталитаризма.

* * *

Призрак социализма бродит по Европе.

И имя этому призраку – коллективная раболепная вера в инфернальный ИГИЛ¹.

Миру явили то Запредельное предапокалиптическое

¹ Террористическая организация запрещена на территории РФ.

ЗЛО, то что является под занавес простенького голливудского боевика, дабы сплотить разрозненное и запуганное стадо человечье.

Заметьте – ЯВИЛИ.

А не – ЯВИЛОСЬ.

* * *

Трагедия и Спектакль, конечно же, совместимы. Равно как гений и злодейство. Кто руководит морально-идеологическим псевдополитическим парадом? Слепая вера в дуальность бытия.

Конечно, мир не аморален. Но он внеморален.

* * *

Рабы никогда не прощают снисхождения. Как и всякого проявления благородства. Они безошибочно верно идентифицируют его как безразличие.

* * *

Интересно сколько цивилизованных и европейски образованных тоталитаристов в глубине души на стороне варваров.

* * *

Каждому свое – это социалистическое Ничто – никому ничего не достанется.

* * *

Ежели кому после русской литературы нужна русская жизнь, то он мазохист. А если после всего этого и русский мир, то точно – подонок.

Спасение и вина

Тот, кто желает спастись – только теряет время. К тому же нет более порочного, более рабского желания. Признание – царица доказательств – основа антиюридического нелегитимного по сути советского кодекса. Инструмента насилия, но не правосудия. Желание спастись – его декларация и есть религиозно-метафизический аналог такого признания. Я же в своем мировоззрении, во всех умопостроениях исхожу из того, что человек априори невиновен. Каждый человек не виновен. До той поры, пока не принимает правила игры, становясь адептом и служителем надиктованной реальности.

* * *

Всякий профанный адепт, всякий лже-интерпретатор норовит указать мне на «рабскость», метафизическую мелочность и прочие «недостатки» желания власти, проистекающих из ее априорной якобы-порочности, из ее «несвободной» природы. На то замечу – что в свободу (в проявленном мире) я не верю. Доступных свобод – не желаю. Ценю вседозволенность (так!) превыше мнимой (повторюсь) свободы. Равно как и всевластие. При том, в моем Рациональном Мире, где Власть – не Цель, но Ресурс (возможность) понятие «желание» становится чувственным излишеством. То есть –

не желание власти. Но Необходимость.

Ибо вопрос есть повешенность точки

Я, конечно, не веду диалога, тем более, не вопрошаю, хотя так порой и может показаться со стороны. Я лишь утверждаю. И я ни в коей мере не «ищущее существо», никогда им не была. Я есть – цементирующий гнозис.

* * *

В нынешней русской политике одно политическое табу – здравомыслие и рациональность. Остальное – дозволено.

* * *

Необходимый компонент смирения – нищета. Не обязательный, но архиважный. Отсюда – Россия – с ее – экономическим кризисом. Отсюда – рабство. Не наоборот.

* * *

Отчего я презираю логократию? Это «религия» недалеких рабов. Я вижу слово – на страже интересов. Дурак же (и раб) – на страже истины. Но я вообще в истину не верую. Я в интерес верую. В свой интерес. (Он же – моя истина. Равно как – я и есть идея.)

* * *

В Идеологии (как и в ее осуществлении) – главное – безверие. Поверил – попал. А всякая работающая идеология –

капкан Других.

* * *

Настоящее безумие – за исключением весьма редких случаев гениальности – всегда глупость. Чистая патология без примеси интеллекта. Интеллект в ней всегда – краденый. Нечто, вычитанное в книгах, прогаллюцинированное в дремотном бреде, сложенное в (всегда готовую распасться) мозаику. Безумец-дурак, он всегда против как «безумца» -гения, так и «безумца-имитатора». Потому что не в состоянии постичь и принять их рациональность, их прагматичность, их разумность. Рацио – то, что обрушает мир под ногами безумца. Жалкий выдуманный мир. Отсюда страсть подобных персон к бездумному цитированию «странных авторов», например Ницше. Они видят в Ницше – своего. Но Ницше – гений. Он – не твой, одинокий маньяк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.